

Мор Одетт

1985

ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ МОНЕТ

В декабре этого года исполнилось 70 лет со дня рождения великой французской певицы Эдит Пиаф. Очень бы хотелось прочитать на страницах вашей газеты рассказ о ней.

Студенты факультета иностранных языков Мордовского государственного университета.

САРАНСК.

Когда я впервые ехала в Париж, думала: «Еду к Эдит Пиаф». Когда ходила по его улицам, кварталам, думала: «Здесь ходила, жила, пела она»... Потом обнаружила ее музей, рожденный энтузиазмом и любовью группы людей (см. «Советскую культуру» № 119 за 4 октября 1983 года). Из музея ниточки потянулись в разные стороны: стала находить тех, кто с ней работал, дружил, был рядом, собирать их свидетельства, воспоминания. Они лежат у меня сейчас на полке пачкой блокнотов, стопкой магнитных кассет.

Недавно певице исполнилось бы 70. В тот день я достала записи с полки, перечитала, прослушала. Одной из них хочу сейчас поделиться с вами. И отметить юбилей той, чье искусство никогда не перестанет нас изумлять.

Одетт Лор разговаривает со мной, забравшись с ногами на диванчик в гримерной театра Сен-Жорж: отдыхает перед предстоящим спектаклем. По моим подсчетам, она лет на пять моложе Эдит. Но выглядит совсем не по годам: худенькая, подвижная, с мимикой и жестами, в которых от детства сохранились наивность и озорная непосредственность. Сло-

вом, все внешние данные актрисы-трагистки. Она и выступала когда-то в этом амбулу, часто играла комедийные роли, гротеск. А до театра пела с эстрады. А петь захотела еще в детстве, потому что... Но послушайте лучше ее собственный рассказ:

«Я родилась в Бельвиле — самой высокой точке Парижа, даже выше соседнего Монматра. Когда мне было лет двенадцать, к нам во двор по воскресеньям стала заходить уличная певица. Едва она появлялась, я забывала обо всем на свете: бросала домашние уроки, высывалась из окна. Все в ней меня зачаровывало, гипнотизировало: необычное для юного возраста облегающее фигуру черное сатиновое платье, какая-то отрешенность от всего происходящего вокруг, а главное — редкой силы голос. Он доносился до моего окна даже тогда, когда она, начиная свое «турне», пела на противоположном конце улицы.

В те времена в ходу были двадцатипятисантиметровые монетки с дырочкой посередине. Родители давали мне их на карманные расходы, а я копила, чтобы к следующему воскресенью нанизать на нитку и сделать что-то вроде ожерелья. Я всегда ста-

ралась кинуть ожерелье к ногам певицы в надежде, что та поднимет на меня глаза. Но она глаз не поднимала, а смотрела все больше на своего аккордеониста — низенького парнишку в лихо сдвинутой на ухо кепочке. Деньги же неизменно подбирала их шустрая спутница.

«Кто она — эта девушка с голосом, достойным Собора Парижской богородицы?» — спрашивали мои родители. «Ах, если бы я могла когда-нибудь хоть капельку с ней сравниться!» — мечтала между тем я и упрасивала маму отдать меня «учиться на артистку».

Прошло много лет. Стать профессиональной артисткой оказалось куда труднее, чем я думала. Сначала пришлось долгое время работать парикмахером. Но в конце концов я все-таки добилась своего. И сразу после войны получила первый серьезный ангажемент: в Швейцарию, в знаменитое музыкально-поэтическое кабаре «У Жилия», где тогда выступал весь цвет французской эстрады.

И вот ежедневно пою здесь — с успехом, как ни странно это мне самой. Подходит конец контракту. Последнее выступление. В публике неожиданно появляется молодая дама в окружении нескольких человек. Все на нее почему-то оглядываются. «Эдит Пиаф», — шепчут мне... Я о ней уже много слышала, читала в газетах. Но никогда не слышала ее саму — даже на пластинке.

И никогда не видела — даже на фотографии (Не забывайте, вчера еще шла война!)... «С завтрашнего дня «У Жилия» начинаются концерты с ее участием. А сегодня она захотела прийти сюда зрительницей», — продолжают нашептывать мне на ухо. Пиаф зовет меня к столику, за которым расположилась вся ее компания, спрашивает без предисловий, с ходу: «Какие у вас ближайшие планы?» Какие планы! Я еще только дебютантка. Гастроли в Швейцарии — великое везение, а дальнейшее пока в полном тумане. «Наверное, вернусь в Париж», — отвечаю, робея. «А не хотите продолжить работу здесь, со мной, со всеми нами?» — «Спасибо, мадам, с удовольствием», — бормочу смущенно.

Наступает следующий день. И вечер. Пиаф выходит на эстраду. И вдруг до меня, стоящей за кулисами, доносится оттуда... голос той самой уличной певицы. Ну да, именно он — его не спутать ни с каким другим. И двух таких не бывает. Но вот внешность! Внешность совсем другая. Та молоденькая девчонка была некрасивая и даже неопрятная, с лицом припухшим, с короткой нелепой челочкой. А Эдит в тот послевоенный год — очаровательная, подтянутая, элегантная...

Я все не решалась ее спросить. Только под конец гастролей, накануне расставания, набралась смелости: — Знаешь, Эдит (мы к тому времени перешли на

«ты»), когда я была ребенком, в Бельвиле под нашими окнами часто пела девушка. На тебя не похожа. Но голос твой. И вот я не нахожу себе места...

Она оборвала меня резким движением руки, подозвала свою неотлучную секретаршу Деде Бигар: «Деде, где мой заветный бумажник?» Та на минуту исчезла и вернулась со стареньким облезлым бумажником из папье-маше. Эдит достала оттуда фотографию: из-под короткой челочки мне улыбалась «моя» певица. А рядом с ней стоял тот самый аккордеонист... Мы обнялись и обе расплакались. Я рассказала про ожерелье из монет.

— Значит, мы с тобой не просто землячки, но все равно что сестренки. Раз ты меня «подкармливала», когда я не имела гроша за душой, позволь уж мне теперь, когда я разбогатела, позаботиться о тебе.

Она включила меня в свою программу, с которой отправлялась через неделю на гастроли по Европе. Потом — в программу большого турне по Франции. И действительно, затеялась обо мне нежно и горячо, как о родной. Но и спрашивала с меня в работе строго...

Потом наши пути снова надолго разошлись: я ушла в драматический театр. Но в моей жизни не было времени прекраснее и веселее, чем то, что я провела рядом с ней. И не было лучшей школы искусства сцены, чем та, что я прошла у нее... Все, кого

она хоть ненадолго брала «под свое крыло», навсегда хранит в себе благотворный отпечаток этой бескорыстной творческой дружбы».

Актриса замолчала. Встала, подошла к гримерному столику: пора готовиться. А мне пора идти в зрительный зал. Там меня ожидает еще одна встреча — с Одетт Лор в современной французской пьесе «Меня зовут Эмили», где она играет роль «неисправимой» клошарки, не желающей менять свою бездомную свободу на комфорт, позицию на прозу жизни. Пьеса хорошая, по-настоящему остроумная, тонкая. Играет Одетт блестяще, виртуозно балансируя на грани клоунады и драмы, влюбляя в свой симпатичный персонаж. Смотрю и вспоминаю только что услышанные слова: «Благотворный отпечаток бескорыстной творческой дружбы».

Елена КАРАСЕВА.
ПАРИЖ — МОСКВА.

Сов. культура, 1985, 26 дек.